

Николай Чувиков
Безымянный
(черновик)

Николай Чуви́ков

Безымя́нный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70006300

SelfPub; 2024

Аннотация

Он распахнул глаза. В его голове нет ни одного воспоминания не только о том, как он попал в эту пещеру, но и о всей его прошлой жизни. Разум наполнен понятиями и образами, но они ни к чему не привязаны – будто некто перерубил все те ниточки и канаты, что держат воедино самую человеческую сущность. Родители, друзья, возлюбленные, враги, опасности, дом, опыт, – он знал, что это такое, но при этом приходил к выводу, что у него нет ни одной из перечисленных вещей. Он знает лишь одно. Сокрушительный и непрекращающийся громовой раскат, осатанелая мантра безумца, всепоглощающая лавина снега – всего четыре слова, позыв к действию, приказ, которому он не мог сопротивляться. Он должен убить Сына Бога.

Содержание

Глава 1: Пробуждение	4
Глава 2: Дом ведуньи	22
Глава 3: Лесной морок	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Чуви́ков

Безымя́нный

Глава 1: Пробуждение

Он распахнул глаза.

На секунду ему показалось, что ничего не изменилось, и он либо ослеп, либо кто-то зашил ему веки. Однако почти сразу он понял, что вокруг него просто сгустилась тьма – стояла ночь, и он почему-то решил провести её под открытым небом. Хотя нет, это была никакая не ночь: он повертел головой и осознал, что находится в замкнутой пещере, куда практически не проникал никакой свет – только лишь в самом дальнем её конце можно было рассмотреть серебряные лучи света, что отражались от мокрого камня и рассеивались подобно выгоревшим фейерверкам. Что же, можно было сразу сделать вывод, что никто его не замуровал – если он и правда решил уснуть в непонятной пещере, то сделал это по своей воле.

Откуда-то сбоку послышался резкий всплеск, и он, абсолютно инстинктивно, вскочил на ноги и занял оборонительную позицию – или ему так казалось. Руки вытянуты вперёд, ноги полусогнуты и покачиваются подобно пружинам, а тело выгнуто полумесяцем, как у дикой кошки, готовящейся к

нападению на свою ничего не подозревающую жертву. Только вот тревога оказалась ложной: в противоположном конце пещеры мерцало подземное озеро, а вокруг него копошились какие-то вытянутые ящерики, которые попеременно прыгали в рябую воду, а потом так же энергично выныривали из неё. Опасности от них ждать не приходилось – они же не сожрали его во время его крепкого сна.

Он постарался расслабиться, но сделать это было не так и просто – натренированное и украшенное мускульным узором тело будто бы противилось этому. Он постарался понять, в чём дело, но тут же поймал себя на мысли, что что-то действительно не так, и опасность исходит будто не из внешнего мира, а из него самого. Удивительно, как порой наше тело, не наделённое талантами самосознания, гораздо быстрее мозга понимает очевидные истины. Ему стоило ещё минуту осознание того, что и так лежало на поверхности – он абсолютно пуст внутри: у него нет ни воспоминаний, ни понимания того, кто он, и даже как его зовут. Разум наполнен понятиями и образами, но они ни к чему не привязаны – будто некто перерубил все те ниточки и канаты, что держат воедино самую человеческую сущность. Родители, друзья, возлюбленные, враги, опасности, дом, опыт, – он знал, что это такое, но при этом приходил к выводу, что у него нет ни одной из перечисленных вещей.

Он запаниковал и с остервенением начал ощупывать своё тело, каждую свою конечность и каждый волосок на теле,

будто где-то там, среди человеческой плоти был сокрыт ключ к пониманию, кто он, и что он. Однако он ничего не нашёл – ничего, кроме понимания, что был абсолютно наг. Благо, что пещера была на удивление тёплой, иначе он вполне рисковал бы обморожением и медленной смертью. Хотя на данный момент он готов был признаться, что смерть была бы вполне приемлемым выходом из этого ночного кошмара. Он будто родился заново, но только с покорёженным и извращённым мозгом, где есть всё, но при этом нет ничего. Он знал, что умеет драться и убивать, но не помнил лица жертв и противников. Он знал, что такое любовь, и как вздыхает мужчина пред ликом своей избранницы, но не видел перед собой образ той, которой готов был посвятить жизнь. Он знал, что у каждого человека есть родители, те, что дают ему жизнь и вкладывают в него дыхание и биение сердца, но не чувствовал в себе ничьей крови, будто его род пуст, а сам он родился из этого холодного камня.

Он вздрогнул и иступлённо закрыл лицо руками – как же такое могло произойти? Неужели на него наложил заклятие жестокий ведун? Или же он стал жертвой дьявольского эксперимента алхимиков? Он также знал легенду о гаренских червях, что селятся у человека в голове и поедают его мысли и воспоминания одно за другим, но разве может это быть правдой? Хотя как он вообще может судить, где есть правда, а где её нет?

Только сейчас он понял, что на самом деле его разум был

не так пуст, как ему казалось на первый взгляд – и дело было даже не во всех его неполноценных знаниях и навыках, открывать которые ему ещё только предстояло, а в том, что оглушительным колокольным звоном разбудило его ото сна и до сих пор сводило с ума. Сокрушительный и непрекращающийся громовой раскат, осатанелая мантра безумца, всепоглощающая лавина снега – всего четыре слова, позыв к действию, приказ, которому он не мог сопротивляться.

«Я должен убить Сына Бога».

«Я должен убить Сына Бога!!»

«Я ДОЛЖЕН УБИТЬ СЫНА БОГА!!!»

Недолгий обыск пещеры привёл к удовлетворительным результатам – недалеко от его лежбища нашёлся холщовый походный мешок с грубо сделанной кожаной лямкой, где отыскалась неприглядная крестьянская одежда и на удивление острый нож с уродливыми ножнами, будто бы сделанными из застывшего воска. Он знал, что клинки надо уважать, и тогда они принесут своим владельцам удачу, но его «благодетели», а то есть те, кто оставил ему всё это добро, как видимо, не особо задумывались о таких сакральных вопросах военного быта. К этому моменту он уже окончательно пришёл к выводу, что если у него и была в прошлом какая-то профессия, то, скорее всего, она была связана с ратными подвигами. Его тренированное тело будто заточено под убийство, а его навыки драки и ведения боя лежали на самой по-

верхности его сознания. Мечи, топоры, копья, луки, арбалеты, а может даже и пищали – все эти понятия звенели в его голове так, будто он всю жизнь провёл в их компании. Даже кровопийцы, тёмные порождения изошрённого гения военных ведунов, казались ему привычным орудием убийства. Что же – придётся обойтись этим ножом, пусть и выглядит он как кухонный.

«Я должен убить Сына Бога».

Самое же интересное нашлось на дне мешка, замотанное в серый платок и завязанное небрежным узлом, оно издавало странные чавкающие звуки, которые пробирали до самых мурашек. Он аккуратно развернул находку и обнаружил тускло-прозрачную банку, закупоренную с обеих сторон и содержащую в себе то, что не поддавалось никаким объяснениям. В сосуде пульсировал и, время от времени, подпрыгивал отрезанный человеческий язык, будто бы разбухший и разросшийся до непотребных размеров – он вполне мог расположиться на крупной мужской ладони. Ему мигом захотелось забросить банку с жутким органом внутри в пещерный пруд, но он подавил это внезапное желание: логично предположить, что если кто-то действительно стёр ему память, вложил в голову одно-единственное важное задание, при этом оставив ему все навыки и таланты, то, скорее всего, он оставил ему этот язык не просто так. Осталось только понять, что с ним делать – не есть же его, в конце концов. Нужно найти ведуна или ведьму, а может быть даже волхва – они точно

подскажут, что это за язык такой, и как им пользоваться.

«Я должен убить Сына Бога».

Должен, конечно. Но вот только кто этот Сын Бога? Его пленители вполне могли бы оставить в его разуме хотя бы эту информацию – как можно убить того, о котором ты ничего не знаешь? Он шумно выдохнул, надел на себя всю предоставленную одежду, мигом почувствовав себя самым нищим попрошайкой на всём свете, на всякий случай вооружился обнажённым кинжалом, перекинул через плечо мешок с чавкающей банкой и принялся искать выход из пещеры.

Таковой, как и предполагалось, нашёлся за пучком света, что не давал пещере потонуть в ослепляющей тьме. Пещера там делала резкий изгиб вправо, и уже через несколько метров переходила в живописный грот, в центре которого серебрился ещё один пруд, гораздо более объёмный и глубокий, по крайней мере, на первый взгляд. В центре него плавали крупные белые цветы, пульсирующие так, будто дышали воздухом подобно человеку; обрамляли же их многочисленные бурые листья, придающие растению на удивление пугающий вид. Он невольно подумал, что если такое растение чем-то и питается, то лишь плотью живых существ. Его догадки подтвердились почти сразу же – одна из ящерок, абсолютно идентичных тем, что жили в пещере, подплыла слишком близко к «дышащему» цветку, и тот не простил земноводному ошибки. Один из пухлых лепестков вытянулся, изогнулся и резким движением скрутил ничего не подозре-

вающую ящерицу в некое подобие рулета. Ещё мгновение, и хвост обречённого существа уже торчал из самого центра плотоядного цветка. Он поморщился, но сразу же пришёл к выводу, что не стоит осуждать растение за утоление голода – в этом смысле оно мало чем отличалось от него самого. Он был настолько голоден, что готов был и сам полакомиться одной из этих ящерок.

«Я должен убить Сына Бога!»

На первый взгляд идея была не такой и плохой – было очевидно, что ящерицам то ли недоставало реакции, то ли здесь на них никто кроме плотоядных цветов не охотился. Он аккуратно подошёл к краю озера, и его оголённые ступни (его «благодетели» решили не снабжать его обувью) буквально утонули в мечущихся туда и обратно земноводных. Он уже хотел было поймать одну из них за хвост и прямо так, без жарки, отправить в рот, как резко остановился – ступни внезапно загорелись так сильно, будто кто-то поджаривал их на раскалённых углях. Он мгновенно среагировал на угрозу и отпрыгнул от толпы ящериц – и лишь присмотревшись, он понял, что каждое из земноводных выделяло из пор своего скользкого тела какую-то густую слизь: она покрывала всё их тело. Яд – без всяких сомнений. Придётся искать пропитание в другом месте. Правда одна идея всё же пришла ему в голову: он повертел в руках лезвие, опустил на корточки и аккуратно провёл ребром кинжала по одной из замерших ящерок. Та, казалось, была не особенно против – она лишь

вылупила свои чёрные выпуклые глаза на непонятно откуда взявшегося человека и лениво переползла на новое место. Он удовлетворённо кивнул, убрал кинжал в ножны, дабы не поранить и не отравить самого себя и принялся выбираться из грота навстречу тусклому белому солнцу, еле-еле пробиравшемуся из-за плотного облачного покроя.

«Я должен убить Сына Бога!!»

Подъём дался ему чрезвычайно просто – одна из стен грота была пологая, и он фактически шагал по камням как по лестнице. С мрачного неба накрапывала противная пыльца дождя, которая даже не мочила, но зато нервировала изрядно – особенно когда ветер дул ему в лицо, и мелкие капельки залетали ему прямо в глаза.

Наконец он оказался на самом верху, а посему смог окинуть взглядом место, где он ненароком оказался. Однако и здесь его не ждало ничего знакомого или того, что могло заставить его вспомнить. Со всех сторон, буквально до горизонта, его окружало мрачное и подёрнутое дымкой болото – где-то виднелись заросшие кустарниками островки, на которых копошились внушительных размеров жабы, наполнявшие своим пением воздух и создающие настоящую какофонию звуков, а где-то проступали очертания скупых рощиц из трёх-четырёх ветвистых деревьев, листва на которых либо облетела, либо давно уже отмерла. Парадокс, но он даже не мог точно сказать, какой сейчас был годовой отрезок – судя по погоде можно было предположить, что в самом раз-

гаре был Закат Матери, но, опять же, по болоту судить было сложно: это одно из тех мест, где погода практически никогда не меняется. Более того, он ведь даже не знал, где именно находится – он знал о местах, где два солнца никогда не заходили и изматывали людей бесконечной жарой, а также о кочующих городах, которые прокладывали себе путь прямо сквозь замёрзшие моря, конца и края которых не было. Он вздохнул. Как же много он знал того, что не имело в данный момент ровным счётом никакого значения. Разве может человек оставаться человеком, если не знает, кто он?

«Я должен убить Сына Бога!!!»

– Работаю над этим, – произвольно ответил он своему внутреннему голосу, и сам вздрогнул от его звучания, хриплого и будто бы принадлежащего чужому человеку.

Неужели он не помнил даже того, как звучит его голос? Неужели безжалостные ведуны не оставили ему даже этой блажи? Интересно, что он почувствует, когда увидит себя в отражении: кто посмотрит на него в ответ? Он ли или его злобный двойник, который лишь прикидывается им? Ему нужны были ответы, и было очевидно ясно, что они ждут его лишь там, где он найдёт свою цель – Сына Бога.

Он приметил рядом с кромкой грота длинную палку, будто заботливо оставленную кем-то специально для него – что же, по крайней мере, за это он мог поблагодарить пленителей его разума. Мастером прогулок по болотам он вряд ли был – в голове таких навыков не нашлось, хотя вполне возможно,

что они дремали где-то в самой глубине сознания, ожидая своего времени. Он машинально оглядел свои руки и вдруг заметил что-то настолько непонятное и даже несуразное, что замер на месте, ни в силах пошевелить ни одним мускулом. Даже интересно, как он не заметил этого раньше, ибо такая деталь просто не могла не броситься в глаза...

Обе руки были опоясаны золотыми, буквально ослепительными, змеями, чьи зубатые пасти раскрылись в вечном крике, а глаза будто вращались от настоящего неподдельного гнева. По крайней мере, так могло показаться с самого начала: на самом деле это были татуировки, но настолько искусно и мастерски выполненные, что змеи будто двигались и извивались, готовые в удобный момент броситься на свою жертву и впрыснуть ей под кожу смертельную дозу яда.

Татуировки, конечно, были красивыми и таким вполне могли позавидовать даже высокогорные шаманы, но только как он сам догадался сделать их? Хотя как он мог вообще судить, если он был потерян как личность для самого же себя...? Ведь если он и правда был воином, а он почти в этом уверен, то он вполне мог состоять в каком-то воинском клане или братстве, а у каждого из таковых свои правила. Может, татуировки были его опознавательным знаком? Однако в этом не было никакого смысла: если кто-то потрудился над тем, чтобы стереть его память, то он, скорее всего, устранил и опознавательные татуировки. Нет – змеи были ключом к пониманию того, что с ним произошло.

Он проследил всю длину татуировок и осознал, что змеи простираются до предплечья, а дальше уходят прямо на грудь – их хвосты переплетены в закрученный узел, а вокруг начерчены буквы... Было сложно точно распознать их в постоянно движущейся и пузырящейся болотной воде. Ему нужно было зеркало, пусть даже выполненное из слюды – такое можно найти даже в крестьянском доме.

Теперь же надо двигаться, но вот куда? В какую сторону? Где найти его цель? Он мог лишь пожать плечами. С одной стороны болото казалось гораздо менее топким, а кое-где даже виднелись клочки земли, по которым вполне можно прыгать – без особенного риска смерти. Более того, в одной из рожиц он разглядел несколько наземных гнёзд – а если есть гнёзда, то там вполне могут быть и яйца. Ящерицы может и покрыты ядом, но вот птичьи яйца таковыми быть не могут – лучшее, что можно сейчас придумать в вопросе пропитания.

Палка действительно пригодилась – кое-где болото доходило до пояса, и его ноги быстро покрылись бурым налётом из мелких водорослей и снующих туда и обратно насекомых, но зато он мог быть точно уверен в своей безопасности. Каждая из кочек служила местом краткого отдыха – он наблюдал за крупными змееобразными рыбами, что сновали на самой поверхности воды и высовывали на поверхность блестящие фонарики, на которые быстро слетались мелкие мошки. Что дальше – очевидно: рыбы выстреливали в наивных насекомых струёй воды, те валились прямо в болото и отправлялись

в рот своим хитроумным убийцам.

– Я тоже как одна из этих мух, – Проворчал он и перепрыгнул на следующую кочку, на этот раз даже не замаравшись.

Только вот что случилось дальше, он даже толком и не понял, но только в следующую секунду он уже куда-то летел, мимо глаз промелькнула пупырчатая и бородавочная кожа, и в следующую секунду он уже барахтался на чём-то мягком, движущемся и будто покрытым смердящей слизью.

Громкий хлопок, и его снова понесло, да только вот не особо удачно – он упёрся в тянущуюся стенку, а поверхность под ним будто завибрировала. Только в этот момент ему в голову пришла просто безумная идея – его пытаются проглотить. Какое-то массивное существо молниеносно выпрыгнуло из болота, заглотнуло его и теперь старается протолкнуть языком в глотку. Его подозрения подтвердились, когда одна из стенок раздвинулась, и его взгляду предстала полоска бледного болота. Наверное, само существо уже жалело, что попыталось заглотнуть такую большую добычу, но вот сдаваться не хотело. Снова послышался хлопок, и потоки вонючего воздуха потащили его назад – он рухнул и внезапно ощутил, что голову затянуло в какую-то дыру. Глотка. Иного и быть не может.

Надо что-то придумывать и срочно – его широкие плечи, как видимо, не могли пройти сквозь узкий пищевод существа, и теперь он находился в абсолютно дурацком положе-

нии. Существо, скорее всего, тоже не испытывало комфорта, так как его бросало из стороны в сторону, а ноги тонули в копошащемся языке животного, но его ситуация была определённо хуже. Глотка постоянно сокращалась, и он не мог вдохнуть – ещё немного, и ему настанет скоропостижный конец. Не улучшало ситуацию и то, что руки начали в буквальном смысле гореть – существо, решившее полакомиться незадачливым путешественником, как видимо, тоже ядовито, как и те самые ящерицы. Боль была настолько нестерпимой, что он попытался закричать и в итоге выпустил из лёгких последние запасы живительного воздуха.

Он замотал конечностями и, странное дело, руки будто увеличились в размерах, их рвало, кромсало и жгло, и он уже не мог понять, что с ним происходит, и почему эта агония никак не проходит. Не так он мечтал умереть, это уж точно. Если, конечно, он вообще когда-то мечтал умереть...

Только вот существо больше не двигалось. Глотка тоже расслабилась настолько, что он смог вдохнуть, пусть воздух и пах так, будто его сбросили в яму с разлагающимися мертвецами. Да и жжение магическим образом пропало – как раз наоборот, ему было холодно, будто он совсем недавно убежал из распаренной бани и бросился в подёрнутое инеем озеро. Он высвободил голову резким движением, упал на четвереньки, поднял взгляд и... оцепенел. Кем бы это существо ни было, оно мертво – вся его голова исполосована, изрезана и измельчена на мелкие мясистые кусочки. Кровь дымилась

в болотной прохладе, а когда-то длинный и подвижный язык превратился в фарш.

– Что произошло...? – только и смог проговорить он, сразу же вспомнив про сумасшедшее жжение рук.

Один лишь взгляд подтвердил его догадки – две змеи двигались, по настоящему двигались, извиваясь, шипя и вращая бешеными глазами, при этом освещая всё пространство своим золотистым сиянием. Их продолговатые тела увенчаны тысячами тысяч шипов, которые раскручивались и перемещались между ослепительными чешуйками. Это оружие. Магическое, демоническое, проклятое оружие! Такого просто не могло быть, но глаза не обманывали: его руки осквернили тёмным оружием, которое даже ему не подчинялось. Конечно, если ведун обладал достаточными навыками, чтобы стереть память, то он вполне мог снабдить его и этими... змеями. Живое оружие. Теперь он был ходячим уродом. Однако, по крайней мере, теперь ясно, как именно он должен был убить этого Сына Бога.

Змеи успокоились и вернулись в своё первоначальное положение – обвившись вокруг рук и раскрыв голодные рты. Шипы тоже растворились или ушли под кожу – он даже не мог понять, в какой момент это произошло. В одну минуту он был живым оружием, а теперь просто человеком со странными татуировками на руках. Его пленители знали своё дело – действительно, если этот Сын Бога соответствовал своему возвышенному титулу, то вряд ли к нему так просто подо-

браться с оголённым мечом в одной руке и круглым щитом в другой. Этим же змеям можно скрыть под одеждой, спрятать за слоями кожаной брони – никто ничего не заподозрит. Может быть, если он выполнит своё задание, то его избавят от этих чудовищных чар. Попытался стоило.

Он аккуратно поднялся на ноги, ощутив, как с него стекает липкая и тянущаяся кровь мёртвого существа, и огляделся. Из огня да в полымя: он находился на небольшом островке посреди бесконечного болота, а вокруг него стояли воины. Точнее... не стояли, а плавали. Зелёные и покрытые рыбьей чешуёй торсы торчали из бурлящей воды, а длинные руки, венчавшиеся кистями с перепончатыми пальцами, держали самодельные и грубо исполненные копья, трезубцы и даже дубины. Он знал, кто это – водный народ. Или, как их ещё называли в людских поселениях, водяные. Разумные существа, достаточно миролюбивые, но очень ревностно относящиеся к своим территориям – особенно подозрительны они к людям. Но вот почему, он не знал: на этом его информация исчерпывалась.

Он решил, что если его окружили, то лучше попробовать первым начать диалог – показать, что он не хочет причинить им вреда и вообще оказался здесь исключительно по воле случая. Он выбрал одного из водяных – его стеклянный взгляд чёрных глаз с вытянутым поперечным зрачком жёлтого цвета показался ему наиболее дружелюбным. Более того, его безгубый рот будто улыбался – а, может быть, так ка-

залось из-за торчащих по бокам клыков. Как бы там ни было, но надо обратиться хоть к кому-то: эта немая сцена не могла продолжаться ещё дольше.

– Я не несу зла. Я не заинтересован в битве с вами. Я сам чуть было не стал жертвой этого гигантского существа. Дайте мне еды и место отдыха, и я уйду уже завтра.

Существа переглянулись, а тот, к которому он обратился, резко передёрнул чешуйчатыми плечами и раздул жабры, будто в негодовании. Оружие они не опускали, а посему он сделал вывод, что его слова не возымели никакого действия. Однако молчать водяные тоже не стали – голос раздался откуда-то сзади, и он резко развернулся, дабы не проявлять неуважения к говорившему – этот закон был универсальным и не стоило им пренебрегать. Было бы, конечно, ещё лучше, если бы он что-то понимал: особо крупный представитель водного народа, чья голова украшена какой-то корягой с нанизанными на неё ракушками и скорлупками от мёртвых улиток, обращался к нему на тянущемся, свистящем и абсолютно непонятном языке. Интонации, конечно, не предвещали ничего хорошего – лидер водяных (а это, скорее всего, как раз их лидер, а коряга была импровизированной короной) говорил зло и агрессивно, будто обвинительно. Коронованный водяной тыкал древком своего копья в мёртвое существо и говорил ещё очень долго – а когда замолчал, то уставился на него вопрошающим взглядом, будто ожидая какого-то ответа. Он шумно, слишком шумно, сглотнул и про-

говорил:

– Я не понимаю вашего языка. Есть ли в вашем племени толмач?

Молчание. Только где-то наверху истерично закричали птицы, как видимо в надежде на большой пир из туши огромного мёртвого животного.

– Отведите меня в ваше поселение. Поймите, – он помедлил, – Я ничего не помню. Я не помню, как я здесь оказался, кто я и даже как меня зовут...

– Киииши... – просвистел один из водяных, стоящий по правую руку от коронованного: в отличие от остальных он был вооружён не одним большим копьём, а имел за спиной колчан с десятью мелкими; метатель, не иначе. Лидер водяных лишь кивнул в ответ и снова воззрился на незнакомца, но только с каким-то новым выражением, то ли скептицизма, то ли заинтересованности.

– Я проснулся в пещере недалеко отсюда, я могу показать... Со мной лишь мешок с непонятными мне вещами и... Я помню лишь одно.

Он снова помедлил, но почему-то понял, что должен быть откровенен с этими подозрительными существами.

– Я помню одну фразу. Я помню, что... должен убить Сына Бога.

Глава водяных тут же распахнул глаза с новой силой и гневно выкрикнул какую-то фразу, от которой заведомо нельзя было ожидать ничего хорошего.

– Пойдите, я...

Однако он не успел договорить. За сильной болью в затылке последовал настоящий

Глава 2: Дом ведуньи

Он распахнул глаза.

Дикая мысль сразу же пришла ему в голову: он снова оказался в пещере, той же самой, мерно освещаемой отражённым светом тусклого дня. В небольшом озерце плещутся сотни ядовитых ящерок, а валяющийся в углу мешок подрагивает от ритмичного хлюпанья живого языка в банке. Он снова вернулся на исходную позицию, будто и не делал ни одного шага в сторону своей цели...

«Я должен убить Сына Бога!»

Но нет, это была не пещера. Он находился в деревянной избушке, собранной из цельных брёвен, между стыками которых виднелись плохо уложенные пласты соломы. Как видно, обитатель этого дома не мог похвастаться богатством: из утвари было лишь несколько лавок, покосившийся обеденный стол, треснувший посередине сундук с давно облупившейся краской и удивительно объёмный шкаф, который очевидно выделялся на общем фоне. Он тоже был старый и готовый к быстрой и неминуемой кончине, но рисунок на его дверцах, выполненный яркими и плотными красками, оказался на удивление свежим и... красивым. Огромная жар-птица будто вырывалась из шкапа, разевая огнедышащий клюв и гордо распахивая воспламенённые крылья, перья которых напоминали смертоносные пики. Птицу окру-

жали фантастические узоры, настолько сложные и утончённые по своему исполнению, что он невольно пришёл к выводу, что попал в дом к бродячему художнику, которого нелёгкая судьба занесла на болота к водяным.

Водяным... Он почесал затылок и понял, что шишку на нём можно сопоставить с размером его кулака. Существа они хоть и примитивные, а вот вдарить могут так, что мало не покажется – одним ударом убить могут. Что, кстати, интересно: а почему они вообще оставили его в живых? Более того, зачем приволокли сюда, в очевидно человеческое жильё? Может его хотят судить? Понять бы только за что? Осталось лишь надеяться, что хозяин этого дома говорит на его языке, и перед ним не встанет очередной барьер непонимания.

Он спустил ноги с твёрдой лавки, ощутив оголёнными пятками весь холод земляного пола, размял затёкшую спину и повёл глазами по комнате в поисках чего-нибудь съестного или хотя бы воды. Есть хотелось неопишимо – он не ел с момента своего пробуждения в пещере. Благо, на хромом столе стоял ржавый самовар, из хлипкого крана которого мерно покапывала вода, а в глубокой тарелке покоились несколько калачей, на вид очень даже свежих. Или достаточно свежих. Он немного помедлил, посчитав, что будет непочтительно по отношению к хозяину дома начинать трапезу без него, но, с другой стороны, голод просто съедал его изнутри. К тому же – если бы щедрый владелец избы заботился о манерах, то он бы не стал оставлять еду на открытом месте: это очевидно

приглашение к завтраку. Или обеду. Кто ж знал, какое сейчас время дня? – в избе нет ни одного окошка, что, конечно, странно, но сейчас об этой детали задумываться не хотелось.

Он пододвинул стул и принялся уплетать калачи, которые правда оказались будто только что вынутыми из печи – тёплые, мягкие и безумно вкусные, они были посыпаны маком и пропитаны каким-то ароматным маслом. Вода из самовара холодная, но он и не думал жаловаться – сейчас даже такая трапеза казалась ему настоящим пиром. Только сейчас он обратил внимание, что из угла на него сверкают два глаза – два птичьих глаза. Большая и откормленная сорока беспокойно переминалась с ноги на ногу на своей жёрдочке и время от времени издавала тихие поскрипывающие звуки – будто чем-то очень возмущена, но при этом боялась выказать своё недовольство вслух. Он с интересом осмотрел птицу и пришёл к выводу, что она не только красива, но и достаточно опасна: таким клювом можно не только глаза выколоть, но даже переломить какую-нибудь мелкую кость. Где-то в своём подсознании он даже знал, что некоторые военные подразделения используют целые рои таких сорок для разведки и внезапного нападения на лагеря ничего не подозревающего противника. Но оперение и правда радовало глаз: чёрно-белое, похожее на доску для игры в таврели, тельце плавно переходило в длинный перламутровый хвост, который сорока постоянно распушала, будто в возмущении.

– Ты уж прости, что не угостил, – С чавканьем прогово-

рил он, – Я, честно говоря, не знаю, разрешает ли тебе твой хозяин есть такую еду.

– Не разрешает, – голос сзади заставил его не только вздрогнуть: в одно мгновение он оказался на ногах в своей боевой позе, с готовностью и целеустремлённостью разглядывая говорившего.

Вернее, говорившую. Перед ним стояла средних лет женщина с длинными волосами, заплетёнными в неаккуратный и разметавшийся пучок, большими серыми глазами, пропитанными одновременно усталостью и жизнелюбием, достаточно крупным носом с благородной горбинкой и поджатыми тонкими губами, которые при этом алели поднебесным пламенем, ярче всего выделяясь на её бледном лице. Она оделась в некое подобие плащаницы, как видимо непромокаемой, так как на пол уже успела натечь изрядная лужа дождевой воды. Однако самым удивительным её атрибутом оказался посох, на который она небрежно опиралась, тем самым давая понять, что он нужен ей не для поддержки ходьбы, а совсем для иных целей. Он выполнен из дорогого серебряного металла, а хрустальный наконечник самой утончённой работы изображал морду жабы, чьи выпуклые глаза поблёскивали как живые. Он даже и представить не мог, что у избушки будет именно такой хозяин.

Женщина выдохнула, аккуратно приставила посох к стене, скинула плащаницу, обнажив типично крестьянский балахон, небрежно запроваленный в штаны земледельца, и про-

шла к столу, критически оглядывая пустую тарелку.

– Это и мой завтрак тоже, – Недовольно сказала она и бросила на него изучающий взгляд, – Appetit у тебя будь здоров. Давно не ел?

– Давно, – Кивнул он и тут же понял, что ему надо проявить хотя бы толику учтивости, – Я благодарю вас за кров и трапезу. Я бы хотел знать имя моей спасительницы.

– Брось, – Она потёрла пальцами переносицу и с ещё одним глубоким вздохом опустилась за стол, – Давай в моём доме без этого церемониала. Ты что? В царском дворце воспитывался?

– Нет, – Он тут же спохватился, – То есть... я не знаю.

– Не знаешь? – Она лениво раскинулась на стуле и подёрла подбородок одной из рук, на пальцах которой красовалось несколько толстых колец, – Тогда, может, ты знаешь, зачем ты убил Болотного Духа?

– Духа?

– Ну, конечно, никакой это не дух, а просто гигантский жаб, который достаточно часто встречается на Серых Торфах, но водный народ считает его священным существом, на которое можно охотиться только раз в году... – Она выдохнула, – Не буду утомлять тебя местным фольклором, но позволь заметить, что если бы не моё вмешательство, то ты бы уже покоился на дне болота со вспоротым животом.

– Я не знал. Тем более, что этот жаб пытался меня проглотить.

– Ага, – Она закатила глаза, – Частая причина смерти многих торговцев. Поэтому здесь и нет ни магазинов, ни ярмарок, ни даже миниатюрного рынка. Ужасная дыра, в которую поедет работать лишь безумец.

Повисла неудобная тишина, которую перемежало лишь ворчливое покрякивание сороки. Воин хотел было спросить, имеет ли она в виду себя, но решил воздержаться, ибо тема вполне могла быть неприятной для женщины – а она, всё-таки, его спасла.

– Ладно, – Снова глубокий вздох, – Давай попробую объяснить. Фактически, они должны были убить тебя ещё там, на болоте, но, если верить Ку-шлу, то ты им наговорил такой околесицы, что они приняли тебя за порождение Мёртвых Вод, а посему решили провести над тобой ритуал очищения в поселении. И убить.

– Ку-шл – это который их правитель? В короне?

– У водного народа нет правителей, – Говорила женщина скучающим тоном, так, будто не надеялась на понимание или интерес своего собеседника, – Та коряга, что красовалась на голове у Ку-шла, означала лишь, что он избран ведущим охотником. Все пойманные им раки, моллюски и рыбы идут не на пропитание поселения, а на жертву Болотнику и супруге его Болотнице. За каждое пойманное существо он навешивает на «корону» по одной ракушке или шишке – смотря, что подвернётся. Так что он не правитель и не король.

– Очень интересно.

– Ничего тебе не интересно, – Она поморщила нос, – А вот мне очень интересно: что ты имел в виду под тем, что должен убить Сына Бога?

Тишина снова наполнила избу, и он искренне пожалел, что тогда, на болоте, вообще заговорил об этом. Однако смотря на эту женщину, он почему-то верил ей – да, водному народу он рассказал свою историю из безысходности, но его спасительница и собеседница вполне могла ему помочь. Тем более, что если его подозрения были правдивы, то она могла оказаться ведуньей. Все карты сходились: живёт на болоте одна, обладает чрезвычайно дорогим посохом с уникальным набалдашником, умеет общаться с водяными, а ещё этот шкап. Если она хотела ему зла, то она могла бы убить его во сне или вообще отдать на растерзание водянному народу. Так что если тогда, на болоте, он поступил глупо и опрометчиво, то сейчас мудро, наоборот, заручиться её поддержкой.

Тогда он рассказал ей всё – и о своём пробуждении в пещере, и о потере памяти, и о непрекращающемся голосе в своей голове, и о странном походном мешке, и о своём непродолжительном путешествии по болотам, и даже о своём сокрытом оружии в виде татуировок. Причём именно последний момент вызвал у женщины больше всего интереса: она снова нахмурилась, поднялась из-за стола и довольно бесцеремонно осмотрела и его руки, и его грудь, и даже

спину, где, как выяснилось, нашлась ещё одна татуировка – в виде двух перекрещенных ключей.

– Знаешь, – Говорила она, пока изучала его как какую-то неприкаемую тушу, – Ты в следующий раз будь поосторожнее со своими словами.

– Да я знаю...

– А особенно с Сыном Бога, – Женщина остановилась и пристально посмотрела на него, – Я, может быть, и не являюсь его почитателем, но почти весь мир находится под его влиянием и большинство постарается убить тебя на месте за такие слова. Даже суда не будет. Уж не знаю, кто тебе стёр память и как, но очевидно у них были на это все основания. А если учесть, что это очень и очень мощная магия, что помогает ведуну проникать в голову и душу другого человека, то в этой игре задействованы действительно великие силы. Я уж не говорю про твои татуировки...

– Так что же этот Сын Бога? – Испуганно спросил он, внезапно осознав, в какую именно ситуацию он попал.

– Хм, – Женщина удовлетворилась осмотром татуировок и снова расположилась на своём неудобном стуле, – Василиса.

– Василиса?

– Да, меня зовут Василиса, – Как ни в чём не бывало ответила она, – Ты же сам спрашивал.

– Ты знаешь, у тебя есть странная привычка отвечать на вопросы невпопад, – Недовольно ответил он.

– Просто я ещё не придумала, как именно тебе ответить. Если проще, то Сын Бога – верховный правитель всего Третьего Мира. Если сложнее, то он – самое могущественное существо, которое только приходило на наш свет. Легенды говорят о том, что тысячи лет назад Лик Ярила, а то есть Солнце, расколосось надвое, и в Бесконечный Океан упала звезда. В этот же день воды выкипели, над небом сгустились плотные чёрные облака, а свет Солнца пропал и в Третьем Мире настал великий голод: урожаи погибли, скот вымер, а вся лесная дичь ушла далеко в леса, где человеческому роду запрещено появляться под угрозой проклятья. На месте Бесконечного Океана образовалась пустыня – единственное место, где солнце светило беспрепятственно, но где нет никакой возможности для проживания. Великие умы того времени организовали поход в её центр, в надежде найти упавший осколок Солнца, который, по уразумению веча, и стал первопричиной всех бед, постигших Третий Мир. Для участия в походе были отобраны самые сильные и мудрые представители человечества, лесного и водного народа – двенадцать воинов, ведунов, охотников и мудрецов, которые должны были вернуть миру свет и надежду на будущее. Однако поход занял больше времени, чем предполагалось – прошло тридцать лет и, наконец, из пустыни вышел единственный оставшийся в живых воин по имени Лачплесис, представитель одного из человеческих королевств. Он был измождён и измучен и не дожил даже до утра, не смотря на то, что его накормили

и напоили, но самым важным было другое. С собой он принёс спящего младенца, которого он, по его словам, нашёл в центре титанической воронки, куда и упал осколок Солнца. Ребёнок ни разу не открывал глаз, не нуждался ни в еде, ни в воде и, что самое главное, не выросел ни на день. Однако так продолжалось лишь до того момента, пока на его лицо падали лучи жаркого, буквально обжигающего солнца – стоило же только Лачплесису вынести его из пустыни под охлаждающую благодать вечной тени, как ребёнок распахнул глаза, обнажив свои огненно-золотые очи и, впервые за много лет, заплакал. Это и был Сын Бога – он вырос и не только развеял проклятие над Третьим Миром, но и взял бразды его правления в свои руки, по праву рождения и силы.

Воцарилось молчание: он пытался осознать только что услышанный рассказ и хотя бы примерно понять, что он может противопоставить тому, кто является дитём самого Ярилы, а Василиса переглядывалась с сорокой, которой она даже улыбнулась, обнажив свои желтоватые, но очень ровные ряды зубов.

– Но... – Наконец проговорил он, – Но как я... могу убить его? Имею ли я даже право на это?

– Хочешь честно? – Очевидно, Василисе гораздо больше нравилось рассказывать истории, чем заниматься своими повседневными обязанностями, в чём бы они ни заключались, – Я не верю во всю эту бурду. Поверь, я достаточно много времени провела как в библиотеках, так и в архивах

и начиталась такого количества повествований и легенд, что я с лёгкостью могу отличить выдуманную историю от реальности. Знаешь, что я думаю? Что Сын Бога – это всего лишь титул, а присвоил его себе пусть и сильный, но чрезвычайно зазнавшийся волшебник, маг или ведун, который потратил всю свою жизнь на порабощению умов Третьего Мира и на войны с несогласными. Так что убить его вполне возможно. Вопрос в другом: стоит ли?

Он нахмурился – что-то в интонации её последнего, пусть и риторического, вопроса показалось емустораживающим. Действительно, он вёл себя воистину глупо: рассказывать всем и каждому о своей миссии... до добра это не доведёт.

– Ты так говоришь, – Осторожно и как можно более спокойно произнёс он, – потому что не хочешь, чтобы я этого делал?

– Хочу, не хочу – это второстепенные вопросы, – Василиса пожала плечами, и её коричневый пучок качнулся, – Я спросила другое: стоит ли? Опять же, очевидно, что тебе стёрли память для твоей же собственной безопасности и безопасности самого дела, но есть и другая причина: если ты ничего не знаешь, ты не будешь задавать вопросов. Чем больше у убийцы информации, тем сложнее становится его работа. Ты же воин, так что должен знать, почему так просто убивать на войне.

– Потому что... – Он на секунду задумался, – Потому что

я убиваю незнакомых мне людей?

– Вот именно. Гораздо проще раздавить жука, не задумываясь о том, что это за жук. Тут то же самое – ты идёшь убивать самого могущественного человека в Третьем Мире, который правит им больше тысячи лет. Вот я тебя и спрашиваю, стоит ли? Ты хочешь знать ответ на этот вопрос или предпочитаешь оставаться в неведении, Безымянный?

Он удивлённо поднял бровь, и Василиса снова повторила своё пожатие плечами.

– Мне же надо тебя как-то называть. А то это безличностное общение уже успело порядком надоест. Чаю?

Безымянный медленно кивнул головой, принимая не только предложение Василисы, но и соглашаясь со своим новым именем – он знал, что имя человека должно отвечать его внутреннему миру, а посему многие люди с возрастом берут себе новое имя – взамен тому, что было дано им при рождении родителями. Что же, вчера он, можно сказать, переродился, и это новое имя вполне ему подходило. До поры, до времени.

– Ваня, сделай чай, – Василиса посмотрела в сторону сороки, которая повиновалась не сразу, предпочтя сначала недовольно покряхтеть, – Прошу прощения, он не любит других мужчин в доме, ревнует меня.

Безымянный не ответил, а лишь с удивлением наблюдал, как сорока сорвалась со своей жёрдочки, описала два круга по периметру избушки, подхватила массивным клювом пу-

стое ведро из-под стола и вылетела в открытую дверь. Действительно, в этом мире его ждало ещё великое множество секретов. Он понял, что улыбается, причём от уха до уха, а взгляд Василисы ни на секунду от него не отрывается: она определённо его изучала, внимательно и методично. С ней нужно быть как открытым и дружелюбным, так и осторожным.

– Я хотел бы знать твоё мнение, – Проговорил он, – Раз мне повезло встретить тебя на своём пути, то я просто обязан прислушаться к твоему совету.

– Прислушаться ты сможешь, – немедленно ответила Василиса, – но вот послушаться его ты вряд ли сможешь. Кем бы ни были стёршие твою память люди, они не стали посылать бы тебя на убийство Сына Бога без определённых гарантий. Железная цепь событий уже куётся, и что бы ты ни делал – ты достигнешь того конца, который был ими предрешён. По-другому просто и быть не может: теперь твой разум работает так, что ты не сможешь принять никакого иного решения, кроме того, что приведёт тебя к нему. Ты можешь уже сегодня удалиться в скит и жить вместе с юродивыми в собственноручно вырытых ямах во славу Мокоши, но ты всё равно встретишь Сына Бога. Этого не избежать. По крайней мере, я так думаю.

– Но всё же? – Он улыбнулся и понял, что она хочет ответить ему, но намерено держит серьёзное выражение лица, – Что ты думаешь?

– Мне сложно ответить на этот вопрос, пусть я сама его и задаю, – Она опустила голову и задумалась, – Сын Бога правит давно и привнёс много света в этот мир: древние верования варваров может ещё и живы, но он дал нам веру в единство небесных светил и искоренил такие рудименты прошлого как жертвоприношения, инициации и культы. Более того, он привнёс в наш мир механику, физику и алхимию. Если ты не понял, то я ведунья, которая повелевает стихиями и окружающими нас аурами бытия, но даже я готова признать, что моя сила слишком хаотична и, скажем так, эгоистична. Механика же доступна всем – даже простым крестьянам без каких-либо талантов: она искоренила голод, а их рабский труд облегчился в разы. И это лишь один пример.

– Но? – Безымянный снова поймал на себе озадаченный взгляд Василисы, – Всегда есть но.

– Но... – эхом отозвалась она, – Есть причина, почему я обитаю среди водного народа, который живёт в разы хуже даже самой бедной деревни Большой Земли. Водяные не интересуют Сына Бога, а вот люди... да.

– Что ты имеешь в виду?

– Каждый год в каждое людское поселение приходят воины Сына и забирают Живую Дань – по одному младенцу за каждый десяток из родившихся за прошлый год.

Воцарилось молчание, которое прервалось шумным появлением сороки Вани – тот тащил в клюве уже наполненное водой ведро, которое постоянно расплёскивалось и оставля-

ло на полу лужи блестящей жидкости.

– Спасибо, Ваня, дальше я сама, – Василиса улыбнулась сороке, которая оставила ведро на полу около стола и определённо ждала какой-то похвалы. Однако ведунья сразу забыла про свою птицу и та, с типичным для неё ворчанием, вернулась на свою жёрдочку, как видимо, питая ещё больше неприязни к незваному визитёру.

Сама же Василиса занялась самоваром, сначала залив в него кристально чистую и буквально пахнущую свежестью воду, а потом закинув в камеру сгорания несколько лучин, которые обнаружили в ящике под столом. Огонь появился прямо из её пальца, и Безымянный снова понял, что его задание будет очень и очень непростым: да, его неведение может и делало его идеальным убийцей, но сохранённые ему знания настолько неполны, что он совершенно не готов к опасностям Третьего Мира. Если Василиса может сотворить огонь прямо из воздуха, то на что могут быть способны другие ведуны, маги и чародеи? А ведь Сына Бога должен охранять целый легион таких.

– Что он делает с младенцами? – Хрипло спросил Безымянный.

– Не знаю, – Услышал он ответ, – Никто не знает. Убивает, пьёт кровь, купается в потрохах... а может экспериментирует на них или растит и наполняет свою армию? Неизвестно. Зато мне точно известно, что происходит с теми поселениями, которые отказываются от Живой Дани и жалеют своих

детей. Последний раз такое случилось сто восемьдесят лет назад, когда жители Лады убили двух пришедших к ним солдат Сына и спрятали их тела в подполе одного из амбаров. Освежёванные тела каждого из жителей Лады украшали собой весь путь до столицы Третьего Мира, Радограда – каждый километр путника встречало дёргающееся в конвульсиях тело бунтовщика, будь то женщина, мужчина или даже ребёнок. Магия Сына Бога не давала им умереть и заставляла переживать каждую секунду боли и страдания: их оголённые мышцы изнывали под дождём, корчились в муках во время беспощадного града и служили хорошей пищей для насекомых и членистоногих.

– И ты всё ещё считаешь, что он недостоин смерти? – Безымянный был в тотальном ужасе, настолько ясно он представил себе описанную Василисой картину.

– Любое государство держится на страхе, – ответила ведунья, – До Безымянного князя и цари древних государств постоянно воевали друг с другом, собирали дружины и рати и методично выжигали одну деревню за другой. Просто так, без повода – просто потому что не знали иного способа заставить людей уважать их. Сын Бога же лишь наказывает – он никогда не причиняет никому зла без повода.

– Ты ведь сама говорила о младенцах! – Возмущённо рыкнул Безымянный, чем вызвал новый виток интереса у Василисы, – Разве это не зло?! Разве ты бы отдала своё новорожденное дитя?!

– Не отдала, – Отозвалась ведунья, – Не отдала. А поэтому перебралась сюда, даже вопреки его отцу, который гнался за нами до самых болот. Мстислав рос здоровым и крепким мальчиком, а такой доброты я не видела ни разу за всю свою жизнь. Я любила его всем своим сердцем и каждую ночь проводила в молитве за его благополучие. Но... – Она осеклась, – Но он... он... его больше нет. И я ничего не могла поделать. Я... я отпустила его на охоту с... с водяными. Впервые я оторвала его от себя... И я... я почувствовала, что с ним что-то не в порядке, я даже из этой самой хижины чувствовала, как он захлёбывается и задыхается. Ты бы знал, Безымянный, как быстро я бежала, как порхала я по кочкам болота... но когда я нырнула за ним в злачную воду и обняла его тело там, чуть ли не на самом дне болота... тогда я поняла, что опоздала. Я увезла его от Сына Бога, но... убила сама.

Безымянный даже примерно не представлял, как нужно вести себя в подобных ситуациях – поведение Василисы и без того казалось ему странным и противоречивым, а теперь он и вовсе растерян сверх всякой меры. Вода в самоваре уже достаточно разогрелась, но сама идея чаепития теперь казалась ему просто абсурдной. Притих даже Ваня, который прекратил ворчать и теперь притворялся то ли скорбящим, то ли просто спящим.

– Я... – Безымянный осёкся, – Я соболезнаю.

– Не стоит, – Глухо ответила Василиса, – Я уже пережила это. Я справилась со своими эмоциями и приняла решение

жить дальше. Жалею я лишь об одном: если бы однажды я не отдала свои силы, то... хотя, прости, это не важно. Важно, была ли я права, когда бежала от Живой Дани? Ведь солдаты ещё не указали на моего сына, и они вполне могли выбрать кого-то иного – в моём городе за тот год родилось много детей. Однако я поверила в худшее и решила обезопасить своего ребёнка. Результат известен тебе самому. Теперь подумай, как я могу относиться к смерти Сына Бога? Всё противоречиво.

Снова молчание. Безымянный понял, что сидеть дальше не имеет никакого смысла – он лишь выслушает очередную лекцию, а новой информации так и не получит. Он встал на ноги и неуверенно кивнул ведунье, которая не спускала с него глаз.

– Путь до Сына Бога долог, – проговорила Василиса, – Ты должен пройти его не спеша. Ты должен пообщаться с людьми, с жителями леса, вод и холмов; ты должен услышать их мнение и понять их; ты должен решить для себя, что тебе делать, когда ты станешь перед Сыном Бога, и до свершения твоей судьбы останется лишь шаг. Пойми одно: любая власть порочна, и никто не может гарантировать, что вслед за смертью этого тирана на смену ему не придёт другой, ещё более кровавый.

– Ты сама говорила, что у меня нет выбора, – Безымянный не терял времени даром, и уже перекинул за плечо свой мешок, где ото сна очнулся живой язык и тут же захлюпал,

будто бы ещё иступлённое, чем раньше.

– Сейчас нет, – Как ни в чём не бывало, ответила Василиса, – Но будет, когда твой путь закончится. По крайней мере, я так думаю, а, поверь мне, я редко ошибаюсь, – Она помолчала, наблюдая, как Безмянный отходит к двери, – Ты должен его съесть.

– Кого? – Он встал как вкопанный и посмотрел на Василису подозрительными глазами: у неё точно были не все дома.

– Уж не Сына Бога, это точно, – Она улыбнулась, – Немой Язык. Ты должен его съесть.

Безмянный распахнул глаза так, что невольно почувствовал, как они вылезают из орбит, развернулся и снова сел за стол.

– В смысле, съесть? Это какая-то шутка?

– Безмянный, – серьёзно проговорила Василиса, – Ты должен научиться принимать помощь, когда её тебе дают. Давай я сделаю чай, чтобы тебе было чем запить.

Ведунья встала, прошла к исписанному красками шкапу, распахнула его дверцы и достала оттуда потёртую железную банку – как видимо, с чаем. Странное дело, но стоило Безмянному посмотреть на шкаф, а его очень уж интересовало, что прятала в нём Василиса, как его взгляд будто бы замылился, а из уголков глаз буквально полились слёзы.

– Не думай даже, – Спокойно сказала ведунья, – Содержимое этого шкафа не для непосвящённых. И уж тем более для твоего пустого разума.

Он лишь хмыкнул и посетовал про себя, что его спасителем стала женщина, которая обладает такими непонятными магическими силами. Уж лучше бы она была простым воином или крестьянкой. Василиса же тем временем «колдовала» над глиняным заварочным чайником, как видимо, соблюдая все правила заваривания настоящего чая. Через несколько минут перед Безмяннным дымилась чашка с пряным и согревающим ароматом, а Василиса ставила на стол ещё одну тарелку с баранками и сушками. «И откуда она всё это берёт? – подумалось ему.

– Как я говорила, – как ни в чём не бывало продолжила Василиса, аппетитно потягивая чай из своей кружки и шумно выдыхая, – Это – Немой Язык. Он знает все языки Третьего Мира и позволит тебе получить свои знания: стоит лишь его съесть.

– Ты лазила в мой мешок?

– Конечно. А что мне оставалось делать? Ко мне в избу вламываются воины водного народа, тащат твоё обмякшее тело, называя тебя порождением Мёртвых Вод, и что-то несут про убийство Сына Бога. Ты должен понять мою осторожность.

Безмяннный лишь хмыкнул и сделал большой и обжигающий глоток чая, который тут же согрел всё тело и влил силы в каждый его мускул – небось, и здесь без магии не обошлось. Затем он достал из мешка злополучную банку и поставил её на стол – язык продолжал подпрыгивать на месте,

будто привлекая к себе внимание.

– Могу сказать одно, – прокомментировала Василиса, – Тот, кто стёр тебе память, является очень влиятельной персоной. Такие артефакты в каждой деревне не валяются. Я бы и сама мечтала обладать таким. Так что либо ешь его, либо отдавай мне – как дар за твоё спасение.

Безмянный серьёзно посмотрел на неё, потянулся за банкой и взял её в свои большие и грубоватые руки. Крышка снялась легко, и ему в нос тут же ударил противный запах гниения и застоялого воздуха. Двумя пальцами он отловил дёргающийся язык, достал его на свет и внимательно оглядел: он был почти целиком покрыт крупными пупырышками, а вены проступали так отчётливо, что казалось, что они вот-вот лопнут и расплескают по столу тягучую полумёртвую кровь. Он бросил ещё один взгляд на Василису, шумно выдохнул и сунул чужеродный и чересчур подвижный орган речи себе в рот.

Ещё через несколько секунд он валялся на полу, держась за горло и пытаясь остановить кошмарную тошноту, которая накрыла его с ног до головы. Но это ещё было не самое страшное – по всему телу растекался нестерпимый жар, будто по каждой его вене пробежали потоки раскалённой магмы; его же голова готова была взорваться от титанического напряжения. Слова, фразы, словосочетания, понятия, акценты, жаргоны, расхожие выражения, метафоры, синонимы, антонимы – они наводняли его разум, бегали перед гла-

зами, пронзали мозг остро наточенными кинжалами и не оставляли камня на камне от его сознания. Он снова проваливался в небытие и ничего не мог с этим поделать...

Глава 3: Лесной морок

Пора уже было с этим завязывать – если каждый новый день он будет заканчивать в забытьи, то рано или поздно кто-нибудь с ним расправится, и он не только не выполнит свою задачу, но, что самое главное, не узнает правду о себе. Безымянный осмотрелся: он был уже не дома у Василисы, а лежал на кровати из мягкого лесного мха, в тени массивной и пышной ёлки, чьи внушительных размеров колючки чуть не доставали до его носа. Он встал и огляделся – позади виднелась блестящая полоска болота, а сам он каким-то образом оказался на опушке густого хвойного леса, из которого веяло свежей прохладой и ароматами свежевыросших грибов. В животе сразу заурчало, и Безымянный понял, что откладывать завтрак на потом будет не самой лучшей идеей. И стоило ему лишь об этом подумать, как рядом с ним приземлился кусочек оранжевого сыра – домашнего приготовления и достаточно ароматного, чтобы перебить все остальные запахи. Безымянный взглянул вверх и увидел, что на одной из верхних веток ёлки восседала сорока, смотревшая на него пусть и стеклянным, но каким-то слишком уж недовольным взглядом. Людям свойственно наделять животных неведомыми им эмоциями.

Безымянный отвёл глаза, нагнулся за сыром, обнюхал его и осторожно надкусил – в мире, где волшебство и магия

встречаются буквально на каждом шагу, нужно быть осторожным с такими подарками судьбы. Сыр оказался пусть и не совсем свежим, но вполне пригодным для пропитания – солоноватый вкус сочетался с приятной горчинкой, а молочное послевкусие наполняло рот слюной: жаль, что кусочек лишь один.

– Мог бы и поблагодарить! – Хриплый, будто бы надломленный голос, заставил Безымянного напрячься: он вздрогнул и начал озираться по сторонам.

– Кто здесь?! – Громко и требовательно спросил он, так как никак не мог найти говорившего.

– Боги, вот тугодум! Наверх посмотри!

Безымянный удивился, но всё же выполнил посыл своего невидимого собеседника, однако увидел там лишь ту же самую сороку, которая неотступно смотрела прямо на него.

– Где ты скрываешься? – Продолжил допрос Безымянный, – Ты за ветвями? За сорокой?

– Дурак, я и есть сорока!

Удивительно, он отчётливо слышал, как птица каркнула и щёлкнула клювом, что нельзя интерпретировать как речь или даже наполнить хоть каким-то смыслом, но в голове слова сами сложились в предложения, и он прекрасно понимал не только, что выкрикнула ему птица, но и осознавал её интонации и эмоции.

– Я тебя понимаю... – Произнёс озадаченно Безымянный и замолчал, даже примерно не осознавая, что он может ска-

зять птице, и понимает ли она его.

– Боги, наконец он понял! – Брякнула сорока, – Надо было мне лететь к русалке, а Василисе сидеть с тобой... Чтоб мне с ветки упасть.

– погоди, – Голова усердно работала, и решение загадки пришло к Безымянному само собой, – Тот самый язык... он дал мне силу понимать птиц.

– Ну да, только птиц, – передразнила сорока, – Ты теперь понимаешь любое существо, наделённое каким-никаким, но разумом. От обычной сороке ты услышишь лишь вульгарный писк, но вот я, – она подбоченилась, – наделён сложными мыслями и воистину человеческим сознанием. Так что моя речь открыта тебе.

– Ты – Ваня?

– Тебе приз, – саркастично ответила сорока, – за особо усердную работу головой. Надеюсь, своими мускулами ты владеешь хотя бы раза в два лучше, ибо путь через Русалий Лес может быть более чем опасен. Василиса заверила меня, что ты не дашь в обиду ни себя, ни меня, но она вообще всегда была чересчур доверчивой и наивной.

– погоди, давай сначала, – Безымянный поглядел под ёлку и увидел там не только свой злополучный мешок, но и кулёк с какой-то одеждой, а также аккуратно сложенную кольчугу, чуть заржавелую и потасканную, но всё же вполне сносную, – Как я здесь оказался?

– Вот и конец его измышлениям, уважаемые господа! С

этого момента мне придётся всё ему объяснять!

– Эй, – повысил голос Безымянный, – а можно чуть по-вежливее? Что я тебе сделал?

– Что он мне сделал! – передразнил его Ваня, – Что он мне сделал... Вот видишь я на ветке сижу? Колючей, качающейся, кишасей мерзкими муравьями? Так вот совсем недавно я сидел на уютной жёрдочке в красном углу тёплой избы и распивал вкусные чаи с Василисой. Но тут появился ты и... и... и испортил всё!

– Не то чтобы я это специально сделал.

– Да всё равно! – Ваня аж подпрыгнул на месте, неуклюже расправив крылья и забавно нахохлившись, – Василиса теперь только о тебе и говорит.

– Опять же, я не просил ничего внимания и уж тем более ничьей помощи. Ты же там был – ты видел, что я собирался уходить! Почему она вообще перенесла меня сюда и отправила тебя со мной?

– Да потому что! – Ваня немного успокоился и даже спустился на ветку пониже, – Ладно, чем быстрее я тебя спроважу к русалке, тем быстрее я снова окажусь дома.

– Вот именно, – поддакнул Безымянный, – Но опять же? Какой русалке?

– Не перебивай! – гаркнула сорока, – Когда ты съел эту мерзость и твой разум погрузил тебя в сон, Василиса предложила подождать твоего пробуждения. Но тогда в избу ворвался один из этих лягушатников и заявил, что пришло вре-

мя твоего жертвоприношения. Вроде бы – хорошая идея, одной проблемой меньше, но нет: Василису это не устроило. Она уже надумала себе чёт знает что и заявила, что должна отвести тебя на суд Сына Бога, что удовлетворило водяного и озадачило меня. Василиса уговорила водный народ перетащить тебя сюда, чтобы ты не осквернял их деревню, а сама занялась сборами. Так что теперь будь добр одеться, а то твоё крестьянское рваньё и так особой прочностью не отличалось, а теперь я вижу сквозь дыры на нём то, что не хочу видеть.

– Она и правда хочет отвести меня к Сыну Бога? На его суд?

– Не дури! – возмутился Ваня, – Она так сказала для того, чтобы избавиться от водяных. Правда, они ей не особенно то и поверили: пока ты дрых, я полетал по наверхам леса и заметил, что пара воинов водного народа затаилась в рощице неподалёку. Так что будь добр надеть кольчугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.